

НА ПОРОГЕ ВОЕННОГО 41 ГОДА

Имя Всеволода Витальевича Вишневого дорого советским воинам. Замечательный драматург, автор пьес «Первая Конная», «Оптимистическая трагедия», «Мы из Кронштадта», писатель близок нашей армии и нашему флоту. Среди многообразного наследия Вишневого значительный интерес представляют его дневники и записные книжки, дополняющие облики писателя-патриота. Ниже мы печатаем отрывки из неопубликованных довоенных записных книжек Вишневого.

31. XII. 40.

Встречаем 1941 год. Неизменное: что впереди? 1940-й заставил нас крепко поработать.

Сжато итоги. Был на четвертой своей войне... Мы стали глубже, увидели и свои, и чужие страдания. Картина великой войны все яснее и шире перед нами. Ненависть к прусской казарме, к фашизму, к «новому порядку» — у нас в крови. Изменить органическое отращивание к этому чужому, мрачному, «машинному» миру, к его мистике, к его чуждым крикам, ревам, к его надменности у нас никто не сможет... Главное —

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

именно в грядущей войне. В ее исходе все наши судьбы — наше прошлое, наше настоящее, наше будущее. И наша, в частности, литература... Мы пишем в условиях военных ограничений, видимых и невидимых. Хотелось бы говорить о враге, подымать ярость против того, что творится в распятой Европе. Надо пока молчать...

Рад, что на границе Германии в первом польском советском театре прошла с огромным успехом первая советская постановка: «Оптимистическая трагедия»...

Иногда брезжит надежда: новая Европа, море, солнце...

Неужели я увижу все это после войны, неужели?!

1. I. 41.

После встречи Нового года... Интенсивная тяга к дому, к теплу — у всех. Чувем большую войну. Она к нам все ближе...

Где-то будем встречать 1942 год?

Ночь на 27. II. 41.

Вечер в ЦДКА... Юной аудитории рассказывал о нас, о матросах. Слушали тихие, застывшие... Порой размышлял вслух. Может быть, мне надо быть лектором, агитатором? Аудитория подчиняется сразу.

...Ночь... На час, два опять чувствую музыку времени. Какое-то отъединенное, особое настроение... Слушаю Лондон... Они дерутся. Мир притаил дыхание: «Ну вот — еще месяца два, три, и вопрос выяснится». Так кажется сейчас так называемому обществу. Мы живем в ожидании последнего раунда. Это понятно всем.

Революция — вещь суровая. Мы переменяем свои будничные дни войнами, потрясениями. Где-то на рубеже лета 36 года началась новая эпоха: это испанские события; для нас, писателей, — смерть Горького... Вчера перечитал его «Исповедь». Жизнь большая, сложная...

Мы невольно переступаем официальную прессу — легионеры пишут обо всем.

Если б мне было двадцать лет, я кончил бы блистательно два,

три вуза... К сожалению, мне сорок. Может быть, я обойдусь и самим собой, и это вполне изрядная порция. Но в конце концов не в этом дело... К войне готовность ежесекундная. Мы знаем ее, мы ждем ее...

9—15. III. 41.

Обстановка суровая... Капиталистические страны, воюя, маневрируя, не спускают с нас глаз.

Гитлер держит огромные части армии и военно-воздушных сил на нашей границе. В кармане у противников есть на худой конец и возможность компромисса (против СССР). Два раза Гитлер предлагал Англии мир. Придется — будет говорить и в третий.

Идет игра покрупнее прежних: покрупнее войн XIX века, покрупнее первой мировой, покрупнее гражданской войны.

СССР упорно развертывается. В 1942 году, выполнив третью пятилетку, закончив перевооружение армии и усилив флот, мы будем грандиозной силой. Хагит ли времени, даст ли история нам необходимые сроки?

Война может идти три — пять лет. Это серьезно. Предел человеческого терпения неистощим. Перспективы послевоенного революционирования Европы — грандиозные. Ну, поживем — увидим...

18. III. 41.

Драматизм нашей, моей, в частности, жизни несомненен, — за

зиму столько событий, переживаний. Почему-то выработалась привычка записывать не узко личное, биографическое, а общее, незамеримо более важное... Живу ощущением вала мировых событий. Военная душа моя бродит по Европе. Я вспоминаю прошлые события, перебираю в памяти встречи, имена, даты...

Из концлагеря вырвались товарищи: до двухсот человек интербригадовцев. СССР их спас... Рад, что помог спастись Фридриху Вольфу. Старый «спартаковец», европеец, сроднившийся с нами, волевой человек, литератор.

Не стану подсчитывать обиды. Не стану подсчитывать успехи. Все вместе, все в одном потоке жизни. Ясно одно: надо идти вперед. Это либо работа в литературе, либо война. Иных путей пока для меня нет — увлечусь, например, путешествиями, наукой и прочим сейчас я не могу. Обстановка обязывает. Только не угашать духа! Собраться!

...Вновь обращаю мысли к чистой драматургии. Смогу ли, успею ли я дать большую пьесу о бойцах, людях современности. Это Москва, отцы и дети, мировые события. Это должна быть пьеса о нас, нашей философии, делах. Это должна быть оптимистическая трагедия современности.

Проследить тему русской философской, исторической мысли от истоков. Историю военную и интеллектуальную вести, как нить в пьесе. Тему России и Запада — в широком плане.

Бродят мысли, догадки... Углу-

ЗВЕЗДА
г. МОСКВА

18 ДЕК 1960

112